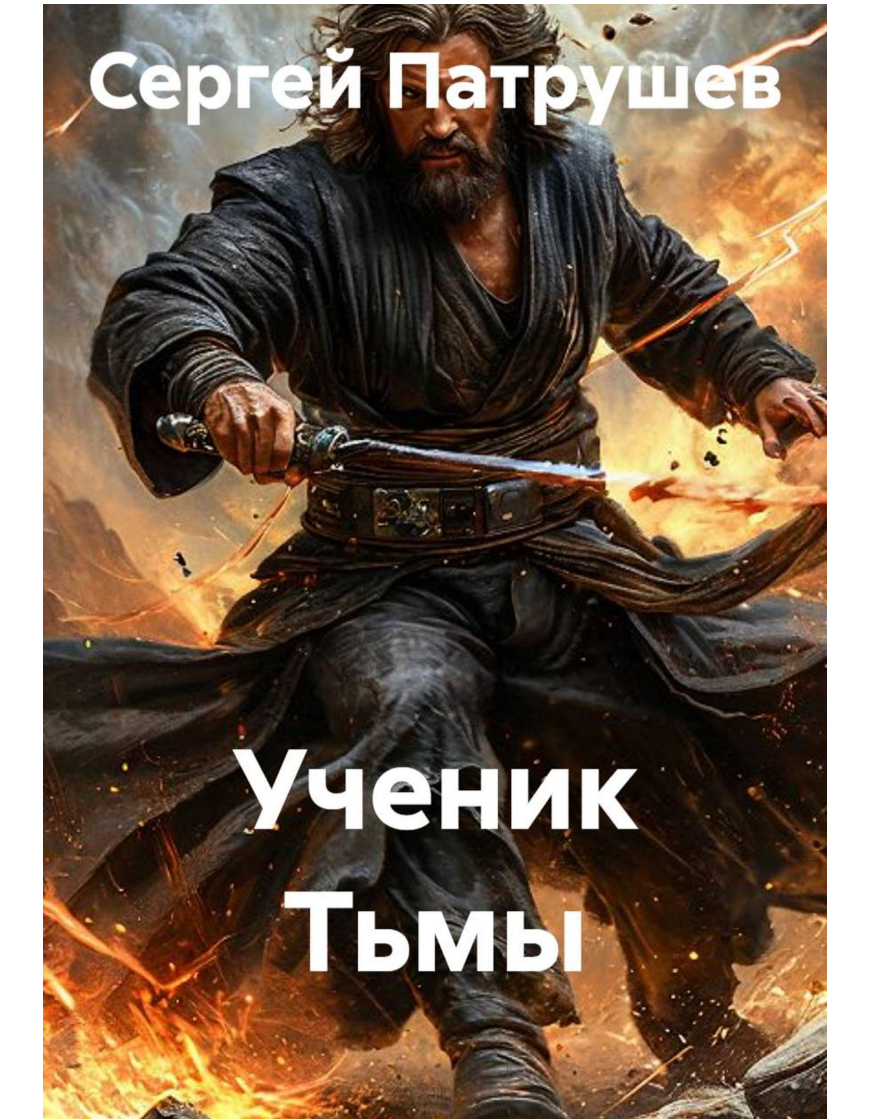

Сергей Патрушев

**Ученик
Тьмы**

Сергей Патрушев

Ученик Тьмы

<https://litres.ru/74338344>

SelfPub; 2026

Аннотация

Дарк — изгой, случайно выпустивший на свободу разрушительную Тьму. Она живёт внутри, не подчиняется воле и несёт смерть всему живому. Единственная надежда — отшельник Нейтон, живущий в Мёртвых горах.

Старик не спешит помогать. Он предлагает пройти девять кругов посвящения, каждый из которых страшнее предыдущего. Дарку придётся не сопротивляться Тьме, а слиться с ней, заглянуть в Бездну и не потерять себя.

В финале — бой с учителем. Схватка не на жизнь а на смерть, где нет места жалости. Ведь тьма — это не конец а только начало.

Содержание

Глава 1. Пепел на ветру	4
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Сергей Патрушев

Ученик Тьмы

Глава 1. Пепел на ветру

Ветер здесь не пел и не завывал, как это обычно бывает в пустошах, а издавал протяжный, утробный вой, который, казалось, исходил не из атмосферных потоков, а из самой глубины израненной земли, словно древний, разбуженный и недовольный зверь, ворчал и метался в своей каменной клетке; он захлебывался пеплом и мелким, колючим песком, рвал в клочья изношенную одежду, сек по лицу, оставляя на коже красные, саднящие полосы, и толкал в спину с такой яростью, словно сама природа, оскорбленная присутствием человека, пыталась отогнать его, вышвырнуть обратно в тот мир, откуда он пришел. Дарк стоял на самом краю каменистого плато, широко расставив ноги в тяжелых, покрытых коркой засохшей грязи сапогах, и, не мигая, вглядывался в серую, дрожащую от зноя даль, туда, где, по слухам, передаваемым из уст в уста в придорожных тавернах и на ночных стоянках, начинались Мертвые горы, место, одно упоминание которого вызывало у самых отчаянных смельчаков холодную испарину и суеверный страх. Они не были горами

в привычном, понятном человеку смысле — скорее, они напоминали исполинские клыки, торчащие из иссохшей, потрескавшейся пасти пустоши, острые, черные, лишенные даже намека на жизнь, словно сама земля здесь вывернулась наизнанку, обнажив свои кости. Небо над ними имело цвет застарелого синяка, тяжелое, давящее, словно налитое свинцом, и это зрелище не сулило ничего, кроме страдания, боли и, возможно, окончательного безумия, которое поджидало всякого, кто осмеливался ступить на эту проклятую территорию.

Ему было двадцать пять, но в глубине его глаз, цвета выгоревшей на солнце стали, застыла такая усталость, такая все-ленская, изматывающая усталость, словно он прожил не четверть века, а несколько жизней, полных лишений, потерь и непрерывной, изнуряющей борьбы с самим собой. Испещренное мелкими шрамами лицо, давно не знавшее бритвы, загорелое до черноты, было неподвижным, как маска, вырезанная из старого, выдубленного временем и непогодой дерева, и только крылья носа слегка подрагивали, вдыхая горький, обжигающий воздух, наполненный запахом пыли и чего-то еще, неуловимого, тревожного, похожего на запах тлеющих углей. Дарк не пытался укрыться от ветра, не поднимал воротник, не отворачивал лицо; он стоял, словно каменное изваяние, и смотрел вдаль, на свою последнюю надежду, на место, которое внушало ужас любому здравомыслящему

человеку, но для него было единственной оставшейся точкой на карте его собственного существования. Но Дарк давно перестал мыслить здраво, потому что обычная человеческая логика, присущая нормальным, не тронутым проклятием людям, привела бы его обратно в страх, в относительную безопасность разрозненных деревушек на границе, или, что вероятнее, к петле на ближайшем суку, к быстрому и окончательному прекращению всех мучений. Его же собственная, исковерканная реальность, его внутренний, постоянно пульсирующий в солнечном сплетении ужас, толкала только вперед, в объятия мертвого камня, в сердце этой безжизненной, враждебной земли, где, возможно, ждало его избавление, а возможно — полное и окончательное уничтожение.

Он медленно, скупыми, экономными движениями поправил лямку тощего заплечного мешка, где лежал только жалкий запас вяленого, жесткого как подошва мяса, огниво, завернутое в промасленную тряпицу, чтобы не отсырело, да глиняная фляга с мутной, отдающей тиной водой, потому что больше у него не было ничего, абсолютно ничего, что могло бы связать его с прошлой жизнью или обеспечить выживание в будущем. Ни оружия, чтобы защищаться, ни денег, чтобы купить хотя бы еду, ни имени, которое можно было бы назвать с гордостью или хотя бы с равнодушием. Точнее, имя было — Дарк, — но оно ничего не значило, оно стало синонимом проклятия, словом, которым матери пуга-

ли непослушных детей, а взрослые мужчины, бледнея, осе- няли себя защитными знаками. Имя человека, выпустивше- го Тьму.

Он закрыл глаза, всего на одно короткое, почти неулови- мое мгновение, и тут же перед его внутренним взором, слов- но выжженная каленым железом картина, встала та ночь, ночь, расколовшая его существование на «до» и «после», на жизнь обычного, хотя и гонимого, человека и существова- ние проклятого изгоя. Он снова почувствовал запах дыма, едкий, удушливый, проникающий в каждую клеточку лег- ких, услышал крики, переходящие в булькающий хрип, и это... это *присутствие*, холодное, склизкое, голодное, ко- торое вырвалось из его собственной грудной клетки, как ди- кий зверь из тесной клетки, разрывая ребра изнутри. Оно не было просто тьмой, простым отсутствием света, нет; это бы- ла Тьма — древняя, разумная, ненасытная сила, существо- вавшая задолго до появления первого человека и способная пережить последнего. И он, двадцатипятилетний изгой, пре- зираемый всеми, кого знал, отвергнутый и оплеванный, стал ее проводником, ее сосудом, ее марионеткой. Не по своей воле. Или по своей? Этот вопрос жег его мозг днем и лишал сна ночью, этот червь сомнения прогрызал его череп изнут- ри, заставляя бесконечно перебирать в памяти каждую се- кунду того вечера, каждое слово, каждый жест. Он столько раз проклинал тот час, ту случайность... или не случайность,

ту трагедию, в которой погибли люди, бывшие, пусть и с оговорками, частью его мира.

Он помнил их лица, все до единого, и эта память была хуже любой пытки. Староста, вечно недовольный, вечно ворчащий о податях и неурожаях, сгорел в собственном доме, не успев выскочить, и его последний крик, полный боли и непонимания, Дарк слышал даже сейчас, сквозь вой ветра. Жена кузнеца, добрая женщина, иногда подкармливавшая его, изгоя, остатками похлебки и не брезговавшая его обществом, ее нашли на следующий день, поседевшую, с застывшим выражением неопишемого ужаса в остекленевших глазах; она не умерла, но и живой ее назвать было нельзя — пустая оболочка, вздрагивающая от каждого шороха, безмолвная, безучастная ко всему. Дети... о детях он старался не думать, потому что это было слишком больно, слишком невыносимо, это разрывало его душу на части, и Тьма внутри него, чувствуя эту боль, начинала радостно ворочаться, словно питаясь его страданиями. Пепел на ветру — вот все, что осталось от его прежней жизни, несколько мгновений черного пламени — и ничего, только выжженная земля и его собственная, непереносимая, вечная вина, которую он будет нести до конца своих дней.

Он открыл глаза, и руки, сжимавшие лямки мешка, побелели от напряжения, так сильно он стиснул грубую ткань.

Тьма внутри него не спала, она никогда не спала по-настоящему, а лишь дремала, свернувшись клубком где-то у самого позвоночника, в том месте, где позвоночник соединяется с основанием черепа, но ее присутствие ощущалось постоянно — ледяным комом в животе, тяжестью в груди, давящей на ребра, сковывающей дыхание. Иногда, в моменты сильного гнева или страха, она просыпалась, ворочалась, потягивалась, и тогда кончики его пальцев начинало покалывать, а тени вокруг становились гуще, словно впитывая в себя угасающий свет, и мир приобретал зловещие, искаженные очертания. Он научился не поддаваться эмоциям, он тренировал себя, как кузнец тренирует металл, закаливая его в огне и ледяной воде; стал холодным, как камень, по которому сейчас ступал, и бесстрашность была его единственной защитой от самого себя, от того монстра, что жил внутри.

Но полностью контролировать ее он не мог, и это было самое страшное. Он знал это, знал по ночным кошмарам, по случайным вспышкам, которые он с трудом подавлял, по тому, как мелкие зверьки, чувствуя его приближение за сотни шагов, в панике разбегались прочь, скуля и поджимая хвосты. Он был бомбой с зажженным фитилем, и не знал, сколько еще этого фитиля осталось, сколько еще времени отделяет его от следующей, возможно, последней катастрофы. Поэтому он и шел сюда, в эту богом забытую пустошь, к человеку, которого считали вымыслом, сказкой для тех, кто уже ни на

что не надеется, легендой, призванной дать ложное утешение отчаявшимся.

Нейтон. Отшельник. Мастер, укротивший собственную Тьму, человек, научившийся жить с этим проклятием и не разрушать все вокруг. Или так говорили легенды, передаваемые шепотом в придорожных тавернах, рассказываемые стариками у костров, чтобы напугать молодых и вселить слабую надежду в отчаявшихся. Дарк слышал о нем в последнем поселении, где он смог купить еду, не встретив понимающего взгляда, и это было маленькой победой; полусумасшедший старик-торговец, меняющий соль на шкуры, рассказывал, что в Мертвых горах живет тот, кто способен «выпить тьму», кто вырывает ее из человека, как больной зуб, оставляя после себя пустоту и покой. Он не просил денег, лишь хрипло смеялся, глядя на Дарка слезящимися, выцветшими глазами, и сказал, что такие, как он, «со светящейся гнилью в глазах», всегда ищут Нейтона, но мало кто доходит, потому что путь слишком труден, а Тьма слишком сильна, а из тех, кто доходит, почти никто не возвращается, потому что, возможно, им уже некуда возвращаться.

Дарк не планировал возвращаться, он вообще не загадывал так далеко, потому что не видел смысла строить планы, которые могут никогда не осуществиться. Его единственной целью было дойти, найти, упасть на колени и умолять, умо-

лать сделать хоть что-нибудь — убить его, заточить, вырвать эту мерзость из его души, пусть даже вместе с самой душой, оставив его пустым, но свободным. Любой исход был лучше того, что он переживал каждый день, каждого часа, каждой минуты этого бесконечного, изматывающего существования, которое нельзя было назвать жизнью.

Первые дни пути по выжженной равнине стали испытанием его физической выносливости, беспощадным экзаменом, который природа устроила ему, проверяя, достоин ли он продолжать свой путь. Солнце палило нещадно, сжигая кожу даже сквозь плотную ткань рубахи, и к вечеру его спина и плечи покрывались волдырями, которые к утру лопались, оставляя мокрые, болезненные раны. Воздух был сухим и горячим, каждый вдох обдирает легкие, словно наждачной бумагой, и он постоянно чувствовал жажду, которую невозможно было утолить. Вода заканчивалась катастрофически быстро, и ему приходилось искать редкие, затянутые зеленой ряской лужи, кипятить воду, придавая ей вкус золы и глины, и пить эту мутную, теплую жижу, заставляя себя не думать о том, какие бактерии и паразиты могут в ней обитать. Ноги сбивал в кровь, несмотря на крепкую кожу сапог, и каждый шаг отдавался тупой, ноющей болью в стопах и коленях. Он шел по ночам, ориентируясь по звездам, которые здесь, вдали от городов и селений, светили необычайно ярко, словно холодные гвозди, вбитые в черный бархат неба, а днем

прятался в тени редких скальных выступов, заворачиваясь в плащ, спасавший его от палящего зноя и пронизывающего ночного холода.

Природа здесь была враждебна, она не просто игнорировала его, как игнорирует пылинку, случайно залетевшую в глаз; она словно испытывала на прочность, проверяла, насколько сильно его желание жить, насколько крепка его воля. Тонкая, как проволока, сухая трава цеплялась за ноги, оставляя на коже глубокие, долго не заживающие порезы, которые воспалялись и гноились в жарком, сухом климате. Песок, поднятый ветром, забивался в рот, нос, уши, скрипел на зубах, проникал под одежду, натирая кожу до крови. Один раз, на четвертый день, он наступил на гнездо песчаных гадюк, и лишь чудом успел отскочить, когда три разъяренные твари, шипя и извиваясь, бросились на него, раскрыв пасти с ядовитыми клыками. Тьма в тот момент вздрогнула, пробудилась, посылая импульс силы, и твари, словно наткнувшись на невидимую стену, отлетели в сторону, судорожно извиваясь и зарываясь в песок. Но этот инстинктивный выброс стоил Дарку нескольких часов изматывающей слабости, он лежал на спине, глядя в безжалостно синее небо, и чувствовал, как Тьма внутри него, насытившись его испугом, довольно ворочается, становится сильнее, расширяет свои владения в его теле. Она была не просто проклятием, она была паразитом, питающимся его жизненной силой, его эмоциями, его

страхом, и каждый раз, когда он прибегал к ее защите, она становилась чуть сильнее, чуть ближе к полному контролю над ним.

После этого случая он старался избегать любых столкновений, любых потенциально опасных ситуаций, которые могли бы вызвать выброс Тьмы. Он крался, как зверь, прислушиваясь к каждому шороху, изучая следы на песке, обходя стороной любые признаки жизни, будь то колония насекомых или следы хищника. Но жизнь, казалось, наоборот, тянулась к нему, привлеченная, как мотыльки к пламени, но не к свету, а к той самой тьме, что он нес в себе, к той энергии, что излучало его проклятое тело. Ночью вокруг его лагеря слышался шорох, в темноте мелькали чьи-то горящие глаза, наблюдающие за ним с безопасного расстояния, и он чувствовал эти взгляды, полные голодного любопытства. Однажды утром он нашел вокруг стоянки свежие, огромные следы, похожие на волчьи, но намного больше, с глубокими отпечатками когтей, и понял, что кто-то или что-то следило за ним всю ночь, не решаясь напасть, возможно, чувствовало опасность, исходящую от него, или, наоборот, выжидало, когда он ослабеет, когда Тьма высосет из него последние силы.

Горы приближались медленно, словно нехотя, они росли на горизонте, превращаясь из серой полосы в настоящую стену, подавляющую своей мрачностью, и с каждым ша-

гом их величие становилось все более очевидным, все более подавляющим. Воздух изменился, стал прохладнее, но при этом тяжелее, словно был наполнен невидимой пылью, каким-то минеральным туманом, оседающим на языке металлическим привкусом. Ветер здесь дул постоянно, завывая в расщелинах, создавая жуткую, непрерывную мелодию, от которой ныли зубы и леденела кровь, и этот звук, казалось, проникал в самые кости, вибрировал в черепе, вызывая головную боль.

Дарк вступил в предгорья на восьмой день, когда его силы были уже на исходе, а надежда начала таять, как утренний туман под лучами палящего солнца. Здесь уже не было ни песка, ни чахлой травы, только камень — острые, как бритва, осколки скал, громоздящиеся друг на друга в хаотичном беспорядке, словно гигантский великан разбросал их в приступе ярости. Идти стало смертельно опасно, каждый шаг мог стать последним, камни крошились под ногами, срываясь вниз, в глубокие, темные ущелья, дна которых не было видно, и их падение сопровождалось долгим, затихающим эхом. Иногда сверху обрушивались небольшие камнепады, заставляя его вжиматься в скалу, молясь всем известным и неизвестным богам, чтобы его не задело, и он слышал, как камни проносятся мимо, задевая его одежду, оставляя на ней рваные дыры.

Но самым тяжелым было не физическое напряжение, не постоянный риск сорваться в пропасть, а то, что здесь, в этом мрачном, безжизненном месте, Тьма внутри него проснулась окончательно, пробудилась от своего полусна и начала требовать, начала тянуться наружу, словно чувствуя родственную энергию этого проклятого места. Дарку казалось, что сами скалы излучают некое излучение, некую темную энергию, питающую его внутреннего монстра, дающую ему силу. Тени вокруг него стали сгущаться даже днем, приобретая странную плотность, словно обретая материальность. Краем глаза он постоянно замечал какое-то движение, какие-то фигуры, скользящие между камнями, но, оборачиваясь, не видел ничего, кроме неподвижного, безжизненного камня. Голоса в вое ветра стали разборчивее, они шептали ему, предлагали силу, месть, покой, они говорили, что не нужно никакого отшельника, что он сам может стать богом этого места, властелином тьмы и тишины, что Нейтон — лишь обман, мираж, созданный для того, чтобы заманить его в ловушку.

Он зажимал уши руками, но голоса звучали в его голове, они проникали в его мысли, выворачивая наизнанку его самые потаенные страхи и желания, они знали о нем все, они цитировали его собственные мысли, его собственные постыдные мечты. Он видел лица погибших, их укоряющие взгляды, слышал их крики, полные боли и обвинения. И слышал другой голос, холодный и вкрадчивый, шепчущий ему

в самое ухо: «Это ты их убил. Ты. И тебе это понравилось». И самым ужасным было то, что он не мог спорить с этим голосом, он не мог с уверенностью сказать, что это не так.

— Нет! — кричал он в пустоту, и его голос, многократно отраженный от скал, возвращался к нему искаженным, насмешливым, словно сами горы смеялись над его жалкими попытками сопротивляться.

В один из вечеров, когда он, измученный до предела, устроился на ночлег в небольшой пещере, надеясь хотя бы на несколько часов забыться тревожным, прерывистым сном, Тьма попыталась взять верх, захватить полный контроль над его телом и разумом. Это началось с невыносимой головной боли, пульсирующей в висках, словно кто-то забивал в его череп раскаленные гвозди. Затем конечности стали холодеть, а из кончиков пальцев заструился черный, липкий, как смола, дым, поднимаясь вверх и заполняя пространство пещеры. Он с ужасом смотрел, как этот дым обретает форму, тянется к стенам пещеры, гасит слабый свет его крошечного костра, словно пожирая его. Тени в углах зашевелились, сгустились, обрели объем, они ползли к нему, тянули свои черные лапы, и в их бесформенных силуэтах он видел лица, знакомые лица погибших, искаженные гримасами ненависти.

Он чувствовал, как его сознание затапливает чужеродная

воля, холодная, безжалостная, неумолимая, как приливная волна. Ему хотелось смеяться, крушить все вокруг, дать волю этой чудовищной силе, позволить ей разорвать этот мир на куски. Это было бы так просто, так легко, так... приятно. Соблазнительно. Он зажмурился, стиснул зубы до хруста, и попытался отгородиться от этого наваждения, построить в своем разуме стену, которая отделила бы его от наступающей Тьмы. Он вспоминал все, что было ему дорого, но не людей, потому что людей он избегал, боялся их, боялся причинить им вред. Он вспоминал ощущение утренней росы на листьях, вкус парного молока, тепло весеннего солнца, ласкающего кожу, смех... нет, не смех, он не помнил смеха. Он вспоминал тишину, обычную, мирную тишину, не наполненную шепотом тьмы, тишину, в которой можно было просто быть, не опасаясь, не сражаясь, не ненавидя. Он представил себе эту тишину — прозрачную, как вода, обволакивающую, как мягкое одеяло, и держался за этот образ, как утопающий держится за соломинку.

И Тьма отступила, медленно, неохотно, словно хищник, выпускающий добычу, но обещающий вернуться. Она втянулась обратно в его тело, оставив после себя чувство опустошенности, разбитости и ледяной, всепроникающий холод, пронизывающий до костей. Костер погас, и Дарк остался в полной темноте, свернувшись в клубок на холодном камне, дрожа всем телом, не в силах ни зажечь огонь, ни даже поше-

велиться, ни позвать на помощь. Он понял, что у него осталось совсем мало времени, что Нейтон был не просто его надеждой, а его последним шансом, последней возможностью спасти себя и тех, кто еще мог пострадать от его проклятия. Иначе следующий раз Тьма не отступит, она поглотит его целиком, сожрет его душу и займет его тело, превратив в послушную марионетку, в орудие разрушения.

Он шел еще три дня, три бесконечных, мучительных дня, которые слились в один сплошной кошмар боли, голода и постоянной, изматывающей борьбы с самим собой. Мертвые горы полностью оправдывали свое название, здесь не было ничего живого, ни лишайника на камнях, ни паука в расщелинах, ни птицы в небе, только бесконечный камень и вечный, пробирающий до костей ветер, который, казалось, выдувал из него саму жизнь. Голоса стихли, но на смену им пришла гнетущая, звенящая тишина, которая была еще хуже, потому что в этой тишине его собственные мысли звучали как колокол, как оглушительный набат, от которого не было спасения. Он слышал стук своего сердца, хруст суставов, шорох ткани, он слышал, как кровь течет по венам, как воздух наполняет легкие. И он слышал Тьму, которая больше не шептала, а дышала, медленно, глубоко, в такт его собственному дыханию, они стали единым целым, неразрывно связанными, и это пугало его больше всего на свете.

Он уже не чувствовал голода, только слабость, нарастающую с каждым шагом, словно сама земля вытягивала из него силы. Вода из его фляги приобрела странный, металлический привкус, а воздух стал разреженным, каждый вдох давался с трудом, вызывая головокружение и темные круги перед глазами. Он спотыкался, падал, обдирая ладони и колени о острые камни, поднимался и снова шел, потому что остановиться означало умереть. Он не знал, куда именно идти, потому что легенды не давали точных координат, они были размытыми, противоречивыми, полными недомолвок. Нейтон был повсюду и нигде, он мог оказаться миражом, плодом воображения отчаявшихся людей, но Дарк не останавливался, он верил, он должен был верить, потому что иначе все это было зря, иначе его страдания были бессмысленны, а его жизнь — пустой тратой времени.

На одиннадцатый день своего путешествия, когда силы были уже на исходе, а надежда превратилась в тонкую, хрупкую нить, готовую оборваться в любой момент, он наткнулся на это. На узком горном плато, защищенном от ветра высокой скальной стеной, стояла каменная пирамида, сложенная из таких же черных камней, как и все вокруг, но в ее создании чувствовалась рука человека, разумная воля, цель. Камни были подобраны и уложены с определенной целью, они образовывали правильную геометрическую форму, которая не могла возникнуть случайно. Это был указатель, или пре-

дупреждение, или знак, отмечающий границу какого-то места. Рядом, на плоском валуне, были выбиты странные знаки — спирали, пересекающиеся линии, круги, символы, которые Дарк не мог понять, но которые интуитивно ощущал как нечто важное, значимое. Дарк не умел читать, но интуитивно понял: он на верном пути, это знак, знак того, что здесь когда-то был человек, который оставил послание для таких, как он, для тех, кто ищет избавления.

Он прикоснулся к символам рукой, и камень был ледяным, обжигающе холодным, но от прикосновения по его телу пробежала дрожь, волна энергии, прокатившаяся от кончиков пальцев до макушки. Внезапно ветер стих, впервые за все время его путешествия, и наступила абсолютная, ватная тишина, такая глубокая, что он слышал биение собственного сердца, гулкое и оглушительное. Дарк огляделся, небо над головой потемнело, сгустилось, словно налилось чернилами, а тени стали длиннее и резче, приобретая странную, неестественную четкость. Он почувствовал на себе чей-то взгляд, тяжелый, изучающий, пронизывающий насквозь, взгляд, который не мог принадлежать ни человеку, ни зверю; это был взгляд самого места, этих мертвых гор, этого древнего, безмолвного свидетеля бесчисленных трагедий.

И в этот момент Тьма внутри него не просто пошевелилась, она завопила, издала беззвучный, но оглушительный

крик, который пронзил все его существо, она рванулась наружу с такой силой, что Дарк упал на колени, схватившись за грудь, за то место, где она обитала. Черный дым повалил из его рта, из носа, из глаз, заполняя пространство вокруг, окутывая его плотным, удушливым облаком. Он чувствовал, как его выворачивает наизнанку, как его собственная сущность растворяется в этом черном потоке, теряет очертания, растекается, исчезает. Пирамида задрожала, камни заходили ходуном, а символы на валуне начали светиться тусклым, багровым светом, пульсируя в такт его собственному, сбившемуся сердцебиению, словно откликаясь на его присутствие.

Он понял, что это не просто указатель, а барьер, или дверь, граница между мирами, и его Тьма была ключом, который эту дверь открывает. Нейтон ждал его, ждал, чтобы увидеть, сможет ли он сам пройти этот последний рубеж, сможет ли он не потерять себя в этом потоке, сохранить свою сущность, свою волю, свою человечность. Это было испытание, последнее и самое трудное, и от его исхода зависело все.

Дарк закричал, но крик его потонул в воцарившемся хаосе тьмы и багрового света, в этой какофонии из визга, воя и грохота, которая, казалось, разрывала саму ткань реальности. Он собрал все свои силы, всю свою волю, все, что делало его человеком, а не сосудом для чудовища, он вспомнил тишину, которую так отчаянно желал, и этот образ придал ему

сил. Он оттолкнулся от земли, преодолевая сопротивление самого пространства, и, шатаясь, как пьяный, шагнул вперед, сквозь стену мрака, сквозь боль, сквозь отчаяние, сквозь самую смерть, которая, казалось, сомкнула вокруг него свои ледяные объятия.

Он прошел и упал без сознания на другой стороне, где воздух был чист и свеж, а свет — мягким, серебристым, словно лунный свет, отраженный от поверхности воды. Где не было ветра, несущего пепел, где не было шепота и голов, где царила тишина, та самая, о которой он мечтал. Где начиналась новая глава его пути, глава, в которой ему предстояло встретиться лицом к лицу с отшельником Нейтоном и, возможно, с самим собой, настоящим, тем, кем он стал, выпустив на волю разрушительную силу, и тем, кем он мог бы быть, если бы обстоятельства сложились иначе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.